

ИДЕЯ АУТОНОМИИ ИСКУССТВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Н.И. УЛЬЯНОВА

В статье рассматривается своеобразие литературно-эстетических взглядов Н.И. Ульянова. Утверждаются мысли о его приверженности концепции чистого искусства, стремлении к укоренению ее принципов в литературной жизни второй волны русского зарубежья, где приобретает большую популярность утилитарный подход к литературе, что и вызывает обеспокоенность критика как противника прагматического взгляда на искусство.

Введение

“Имя этого яркого деятеля “второй волны” русской эмиграции мало о чем говорит даже специалистам” [1, с. 281], – отмечалось более двадцати лет назад во вступительной заметке к публикации литературных эссе Н.И. Ульянова. С тех пор ситуация почти не изменилась. Талантливый историк, писатель, литературный критик, Н.И. Ульянов по-прежнему известен немногим¹. Между тем, каждая из его творческих ипостасей заслуживает внимания не только узкого круга специалистов.

Заметным явлением в культурной жизни второй волны русской эмиграции стала литературная критика Н.И. Ульянова, получившая высокую оценку многих выдающихся современников писателя.

¹ Работы Н.И. Ульянова-историка чаще оказываются в поле зрения исследователей и на настоящее время более основательно изучены, а его художественный мир и литературная критика пока осмыслены только на уровне отдельных наблюдений в заметках и статьях о литературе второй волны русского зарубежья и собственно о творчестве писателя ([1–5] и др.).

Основная часть

Суждения Н.И. Ульянова-критика свидетельствуют о нем как о защитнике чистого искусства, который отстаивает важнейшие положения этой концепции, направленные на утверждение автономии литературы: недопустимость видения в искусстве фотографического отображения действительности, подчинения творчества решению внехудожественных задач, эстетического критерия оценки, созданного писателем.

Приверженность мысли о разнородности законов художественного мира и жизни обуславливает негативное отношение критика к творческой установке на подражание реальности, которое он расценивает как “вызов литературной грамотности, всему, воспитанному на понимании “точь-в-точь” не является задачей искусства и не служит его признаком” [6, с. 281]. Восприятие литературы в качестве зеркала действительности Н. И. Ульянов противопоставляет уайльдовскую идею творчества как искусства лжи, усвоенную критиком через посредничество русских писателей: “Федор Сологуб, по словам Г.В. Иванова, считал искусство одной из форм лжи. Многие ли подпишутся под таким определением, – трудно сказать, но одно несомненно: правда в жизни и правда в искусстве – не одно и то же” [6, с. 290–291].

Опора на идею независимости литературы от действительности предопределяет и критическое восприятие Н.И. Ульяновым суждений о связи художественного мастерства с событийно-эмоциональной насыщенностью биографии писателя. Критик иронизирует: “Выходит, что оно (*художественное мастерство*. – Т.Д.) дается не природным талантом, не упорной, мучительной работой над словом, а пятью-десятью годами концлагеря” [6, с. 281].

Первостепенное внимание Н.И. Ульянов уделяет осмыслению последствий замены идеи автономии литературы утилитарным подходом. Свидетельством традиционности для сторонников чистого искусства ульяновской интерпретации этой идеологии является негативная оценка воздействия прагматического отношения к литературе и на творческую психологию писателя, и на читательские вкусы.

Объектом внимания критика становятся прежде всего такие разновидности утилитаризма, как политизация литературы и литературной критики. Н.И. Ульянов проявляет более гибкое понимание взаимоотношений искусства и политики, чем те защитники автономии литературы, которые выступают за изоляцию художника от вопросов общественно-политического звучания. Критик не только не видит в социальной проблематике ущерб для независимости искусства, но и более того, утверждает, что “политический тонус дается произведению без всяких усилий со стороны автора, просто в силу того, что редкий автор не является по природе существом общественным” [6, с. 283]. С точки зрения Н.И. Ульянова, ущемление самостоятельности искусства возникает только в ситуации, когда целью творчества становится не литература как таковая, а обслуживание идеологии, когда не соблюдается требование, “чтобы политика, как и прочие элементы, входила в него (*художественное произведение*. – Т.Д.) на основе подчиненности принципам искусства” [6, с. 283].

Следование Н.И. Ульянова идее автономии искусства отражается и в суждениях о критериях оценки литературы. По мысли критика, значимость произведения в литературном ряду определяется исключительно его эстетическими качествами: “Литература имеет дело только с драгоценными камнями, ценившимися всегда за красоту, а не за бомбардировочные качества” [6, с. 295].

Подобно В.В. Набокову, критикованному поклонников “общих” идей в искусстве, Н.И. Ульянов противопоставляет распространенной установке причислять к

разряду “больших” художников тех, “что ставят “проблемы”, разрешают “вопросы”, отвечают каким-то нелитературным “потребностям”, у которых писатель затерт бывает религиозным философом, моралистом или общественником, и вокруг которых происходят шумы, ничего общего с литературой не имеющие” [7, с. 73].

Отстаивая эстетический критерий, критик выступает против попыток предъявлять к искусству требование актуальности тематики – главный оценочный принцип, выдвигаемый политизированной критикой. Н.И. Ульянов приводит целый ряд аргументов против навязывания художнику установки на современность звучания темы произведения. Доводы критика оказываются подчинены как доказательству вреда этого требования для искусства, так и утверждению его бесполезности для общественной жизни: отсутствие взаимосвязи между современностью темы и художественностью произведения; необходимостью временной дистанции писателя от воплощаемых событий для более глубокого их осмысления; угроза превращения литературы в “беллетризованную публицистику, поставленную на службу какому-нибудь политическому лагерю или направлению” [6, с. 282]; агитационная неэффективность художественно убеждающих произведений; неспособность искусства давать своевременный отклик на горячие события общественной жизни; большая общественная польза публицистики, чем идеологизированной литературы и др. Доказывая ошибочность подхода к искусству с меркой актуальности, Н.И. Ульянов сам при этом иногда искажает суть художественных явлений (например, утверждая о том, что “героический” характер русской литературы “в значительной степени – легенда, созданная публицистикой 60–70-х годов” [8, с. 315–316]).

Большинство рассуждений критика об утилитаризме и идее автономии искусства являются составной частью или даже определяющим вектором размышлений писателя о судьбе и перспективах развития русской литературы. Такой ракурс ее рассмотрения объясняется тем, что Н.И. Ульянов считает прагматический подход угрозой номер один для русской литературы: “Из всех Сцилл и Харибд, подстерегающих российскую словесность, – это самое страшное” [8, с. 300]. Критик приходит к такому выводу, оценивая место, которое занимает утилитарная эстетика в истории национальной культуры.

Н.И. Ульянов обращает внимание на то, что в отличие от западноевропейских стран, переживших кратковременное увлечение идеологией утилитаризма, в России она основательно прижилась и породила огромное количество “фанатических последователей” [6, с. 282]².

Эстетика шестидесятников, по мысли критика, нанесла колоссальный ущерб русской культуре, спровоцировав появление “не только писателей, старательно вытравлявших и заглашавших в себе художника, но и соответствующего читателя, равнодушного к культуре слова, к сделанности литературного произведения и чуждого какого бы то ни было понимания символичности слова” [8, с. 311]. В оценке деятельности шестидесятников Н.И. Ульянов перекликается с символистской критикой. И это не случайно. О русских декадентах, провозгласивших

² Ср.: А.В. Дружинин в статье “Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения” пишет: “До сих пор новая сентиментальная дидактика в ее применении к литературным вопросам – дидактика, вконец разрушенная во Франции и в Германии, еще гнездится в некоторых частностях нашей критики. До сих пор еще иные русские писатели высокого таланта не разорвали всех связей с нею и, признавая свои личные симпатии за верность каким-то воображаемым теориям, не решаются дать себе полной воли на бескорыстное служение искусству чистому” [9, с. 282].

идею автономии искусства, критик отзывается с явной симпатией, выделяя фигуру В. Брюсова как активного защитника творческой свободы, решительно выступившего против ленинского понимания классовой сути искусства в классовом обществе.

Высокая оценка роли декадентов в процессе формирования в русском обществе нового взгляда на искусство, констатирует с отношением Н.И. Ульянова к советской официальной эстетике, приведшей к подмене “литературного творчества особым видом агитационно-политической словесности, в которой сохранилась только оболочка искусства” [8, с. 299].

К перспективам развития литературы метрополии Н.И. Ульянов относится скептически. В отличие от тех критиков русского зарубежья, которые дифференцированно подходят к оценке советской литературы, замечая и лишённые эстетической ценности конъюнктурные произведения, и заслуживающие внимания художественные явления, Н.И. Ульянов сужает палитру литературной жизни метрополии до тенденциозной литературы. Критик игнорирует факт существования в СССР писателей, цель творчества которых – литература как таковая. По этой причине Н.И. Ульянов оказывается в числе тех литераторов эмиграции, кто придерживается мифа о гибели искусства в советской России. Критик убежден: “Что бы ни писали журналисты, – в СССР ее (русской литературы. – Т.Д.) не существует” [8, с. 299].

Ульяновская характеристика творческих поисков писателей русского зарубежья в оптике вопроса об утилитарной эстетике и идее автономии искусства отличается большей объективностью, чем осмысление литературы метрополии, так как в данном случае критик не выдает господствующую тенденцию за единственную, учитывая реальную многоликость литературной жизни. Считая писателей первой волны приверженцами идеи автономии искусства, Н.И. Ульянов делает оговорки о том, что прагматическое отношение к литературе тоже имело своих сторонников в послереволюционной эмиграции: “Людей с шестидесятилетним складом немало и среди старых” [8, с. 310]. И констатируя преобладание утилитарного взгляда на искусство в писательской среде эмигрантов второй волны, критик отмечает, что и среди них есть художники слова, цель которых – собственно искусство.

Рассматривая утилитарную идеологию как факт литературной жизни русского зарубежья, Н.И. Ульянов уходит от присущего многим эмигрантским критикам однобокого отождествления прагматической линии в русской литературе XX в. только с советским искусством. Обнажая типологическое сходство политизированных произведений, созданных писателями метрополии и эмиграции, Н.И. Ульянов противостоит росту популярности утилитаризма среди литераторов второй волны. Важность для критика противодействия этой тенденции обусловлена ролью, которую он отводит эмигрантской литературе в истории русского искусства. Сбрасывая со счетов советское искусство, критик видит в писателях русского зарубежья единственных хранителей и продолжателей традиций национальной литературы: “Все, что сохранилось от исторического древа российской словесности, о чем еще можно пещись и что можно спасти – находится здесь, за границей” [8, с. 300]. Поэтому для Н.И. Ульянова перспективы развития литературы в эмиграции – это вопрос о будущем отечественной литературы в целом.

Как и многие писатели русского зарубежья, Н.И. Ульянов хочет, чтобы эмигрантское искусство по своим художественным поискам было альтернативой советскому. При этом в отличие от большинства он не считает, что ее суть

заключается в обращении к антисоветской тематике. Отрицая этот путь, Н.И. Ульянов стоит на защите интересов литературы как таковой, выступая против ее использования в служебной роли. Критик полемизирует с теми, кто утверждает, что в эмиграции второй волны “для чистой литературы нет ни времени, ни пространства, ни денег” [7, с. 309], кто устраивает террор против “объективной”, т. е. неполитизированной критики, кто проводит идею регламентации тематики, кто намерен пресекать доступ в печать «неактуальной» литературы.

Сопоставляя социокультурные условия, в которых прагматизм укореняется в России 1860-х гг., советскую эпоху, русской эмиграции второй волны, Н.И. Ульянов не задается целью разработать типологию разновидностей утилитарного подхода к искусству. Но на основании наблюдений критика можно выделить разные типы реализации утилитарного подхода в конкретных историко-культурных ситуациях. Курс шестидесятников на политизацию литературы – оппозиционная идеология, продиктованная отсутствием свободы печати. Утилитарная эстетика в СССР – навязываемая властями литературная политика, призванная средствами искусства обслуживать интересы правящей партии. Приверженность утилитарному подходу русских писателей за рубежом – добровольный выбор в обществе, где отсутствует государственный пресс, существует свобода слова и печати.

Если социально-политическую атмосферу в России 1860-х гг. и советского времени Н.И. Ульянов воспринимает как естественные условия для процветания прагматизма во взгляде на литературу, то рост его популярности у литераторов второй волны критик считает аномальным.

Политизированность второй волны Н.И. Ульянов объясняет литературным воспитанием, полученным будущими эмигрантами в СССР, ставшими жертвами “советских компрачиков” [6, с. 285]. Это поколение писателей русского зарубежья, по убеждению критика, – потомки шестидесятников, “Писарева, может быть, в руках не державшие, ругающие, вероятно, его как предтечу большевизма, но воспринявшие его учение через советскую школу, через советское искусствоведение, через самую советскую литературу” [7, с. 309]. Однако вряд ли привнесены из несвободного мира, “власть инерции, школы, воспитания” [6, с. 296] – общая для всех и единственная причина политизированности литературы второй волны. Нельзя исключать и самостоятельное, непосредственное влияние советской эстетики, формирование у ряда писателей-эмигрантов убеждения любыми средствами противодействовать политике СССР, в том числе и с помощью литературы, и публицистичность как результат обретения свободы, когда отсутствие цензурных ограничений вызывает у художника внутренний порыв высказать все то, что было запрещено, что наболело и рвется наружу.

Очевидно, что, с точки зрения Н.И. Ульянова, характерной чертой литературной жизни свободного общества является ее неутилитарный характер, а вовсе не возможность свободы выбора: поклоняться чистому искусству или ориентироваться на социальный заказ. И в данном случае критик более радикален в сопротивлении утилитаризму, чем, например, В.П. Боткин, который, отстаивая идею чистого искусства, пишет: “Никто не думает оспаривать у поэтов права заниматься дидактическими целями...” [10, с. 208]. Н.И. Ульянов именно оспаривает это право, призывая писателей русского зарубежья сосредоточиться на решении собственно художественных задач, так как, по мысли критика, речь идет о будущем национальной литературы.

Заключение

Отстаивая идею автономии искусства, Н.И. Ульянов не стремится разработать новую эстетическую концепцию. Для критика важна актуализация творческих установок и принципов рецепции литературы, подзабытых его современниками. С целью противостояния утилитарной тенденции в художественной культуре второй волны эмиграции Н.И. Ульянов использует традиционные аргументы сторонников чистого искусства. Большинство наблюдений и умозаключений критика о принципах жизнедеятельности искусства, развитии русской литературы сохраняют свою ценность и в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кошелев, В.А.** Н.И. Ульянов. Литературные эссе [Вступительная заметка] / В.А. Кошелев, А.В. Чернов // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 68–71.
2. **Муравьев, П.А.** С болью за Россию / П.А. Муравьев // Бежин луг. – 1994. – № 1. – С. 127–133.
3. **Бондаренко, В.** Возвращение невозвращенцев / В. Бондаренко // Слово. – 1992. – № 1 – 6. – С. 51–55.
4. **Багдасарян, В.Э.** Эссеист и ученый (Н.И. Ульянов) / В. Э. Багдасарян // Библиография. – 1995. – № 2 – С. 77–89.
5. **Прозоров, В.В.** Николай Иванович Ульянов – литературовед Русского Зарубежья / В.В. Прозоров // Литературоведение на пороге XXI века : материалы Международной научной конференции. – М., 1998. – С. 325–330.
6. **Ульянов, Н.И.** Внуки Лескова / Н.И. Ульянов // Критика русского зарубежья : в 2 ч. – Ч. 2. – М., 2002. – С. 279–298.
7. **Ульянов, Н.И.** Б.К. Зайцев (К 80-летию юбилею) // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 73–77.
8. **Ульянов, Н.И.** После Бунина / Н.И. Ульянов // Критика русского зарубежья : в 2 ч. – Ч. 2. – М., 2002. – С. 298–325.
9. **Дружинин, А.В.** Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения / А.В. Дружинин // Дружинин А.В. Литературная критика. – М., 1983. – С. 122–175.
10. **Боткин, В.П.** Стихотворения А.А. Фета... / В.П. Боткин // Боткин В.П. Литературная критика; Публицистика; Письма. – М., 1984. – С. 192–234.